

Н. С. Гусев

Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах*

Поздним летом 1912 г. по Балканам витал призрак войны — после терактов и последовавшей резни в Штипе и Кочани общественное мнение Болгарии, Сербии, Греции и Черногории, которых затем стали условно объединять под наименованием Балканского союза, требовало немедленного объявления войны Османской империи. Европейский концерт был не готов к таким затруднениям — началу мировой войны требовалась отсрочка, — и на Софию, Белград, Афины и Цетинье он начал оказывать давление. Последней попыткой дипломатического нажима стало совместное заявление от имени шести великих держав российскими и австро-венгерскими представителями властям в столицах готовящихся к вооруженному выступлению государств. Бурлящим странам в очередной раз обещали реализацию 23-й статьи Берлинского договора 1878 г. о проведении реформ в Македонии и предупреждали, что изменение территориального *status quo* Европейской Турции не будет допущено. Направляя в Константинополь ноту с требованием скорейших реформ в Македонии под их контролем, страны-участницы Балканского союза не ожидали иного ответа, кроме отказа, и уже проводили мобилизацию войск. 5 октября** Болгария и Сербия, на следующий день и Греция присоединились к Черногории, с 25 сентября уже воюющей с Османской империей. Началась Первая балканская война.

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках работы над проектом 15-31-01003a1.

** Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю (старому стилю).

Союзники прекрасно понимали, что великие державы могут сдержать свое обещание и не допустить изменения границ на полуострове. Но ключ к их сговорчивости можно было попытаться найти в общественном мнении европейских стран, вынудить правительства подчиниться требованиям общества. Для Болгарии и Сербии наибольшую значимость представляла позиция российского руководства, которое, по мнению балканских славян, было более всего заинтересовано в их успехах и одновременно — в их лояльности. Никто из этого не делал секрета, и политики как в Софии, так и в Белграде говорили об этом корреспондентам¹. Прекрасно это осознавали и русские публицисты². В то же время болгары и сербы преследовали различные цели — первых интересовал, прежде всего, вопрос, насколько Россия позволит им приблизить границы к черноморским проливам, вторых же — получают ли они выход к Адриатическому морю вопреки противодействию Австро-Венгрии.

В итоге, хотя цели и различались, но задача была одна — доказать собственную лояльность. В первую очередь это оказалось связано с самим началом войны. В Петербурге не для соблюдения формальностей настаивали на мирном урегулировании отношений Османской империи с балканскими союзниками — вероятность общеевропейской войны представлялась высокой, а Россия не была к ней готова, в силу чего в здании МИД на Певческом мосту негативно отнеслись к своеволию Софии и Белграда.

Правительства Болгарии и Сербии нашли выход из ситуации — они стали позиционировать войну как народное требование. Сербский премьер Никола Пашич (1845–1926) говорил корреспонденту Вас. И. Немировичу-Данченко: «Попробуй правительство вернуть армию, — она смоет его, как пену, выброшенную на берег. Мы этого ждали. Мы истощили все»³. Белградский профессор Радован Кошутич (1866–1949) 22 октября 1912 г. заявил в Петербурге в Обществе славянской взаимности: «И если бы правительства и престолы не пошли вместе с народами, и они были бы сметены, и другие вожди повели бы нас туда»⁴. Почти дословно 4 ноября повторил эту мысль в Обществе славянского научного единения русский общественный деятель сербского происхождения Душан Иванович Семиз (1884–1956): «И, если бы правительство и престолы не пошли вместе с народами, были бы сметены и они, и иные вожди повели бы югославян к их славной цели»⁵.

Вторила им русская печать. Еще до начала боевых действий, в августе 1912 г., газета «Утро России» сообщала, что открылся болгарский народный конгресс, который заявил, что «не намерен останавливаться даже перед низложением царя, если Македония не будет освобождена»⁶. А уже во время Первой балканской войны «Вестник Европы» приводил слова болгарского царя: «Если бы я противился войне, я, наверное, лежал бы головой на тротуаре»⁷.

Российский посланник в Софии Анатолий Васильевич Неклюдов (1865–1943) 23 августа писал министру иностранных дел Сергею Дмитриевичу Сазонову (1860–1927): «Для Фердинанда и для нынешнего кабинета противиться войне значило бы, при известных условиях, отказаться от власти»⁸. И уже спустя годы он с уверенностью писал в воспоминаниях: «Если бы болгарское или сербское правительство пожелало бы выполнить требования держав, <...> это неминуемо спровоцировало бы революцию, и вооруженные отряды пересекли бы границу по собственной инициативе»⁹. Иначе понимал ситуацию военный агент в Турции генерал-майор Иван Алексеевич Хольмсен (1865–1941). В рапорте начальнику Генерального штаба Якову Григорьевичу Жилинскому (1853–1918) от 30 августа 1912 г. он назвал антитурецкие настроения в Софии «якобы народным движением». «Корректное поведение» болгарского правительства по отношению к митингами и манифестациями против турок и в защиту македонцев он считал доказательством нестихийности настроений¹⁰. Находясь вне болгарского общества, он мог оценивать ситуацию более объективно, нежели окруженный воздействием государственных деятелей и болгарской прессы А. В. Неклюдов.

Посланник в Белграде Николай Генрихович Гартвиг (1857–1914) также сообщал о народном требовании войны, но добавлял, что Сербия, в случае объявления Болгарией войны Турции, будет вынуждена присоединиться, таким образом, перекладывая вину за столь неудобную России турбулентность на Балканах на плечи болгар. 28 августа 1912 г. он писал, что Н. Пашич находится в трудном положении «ввиду получаемых из Софии вызовов, сильно поднимающих воинственный дух не только в самом Белграде, но и в провинциях», что лидер правящей старорадикальной партии борется всеми силами против таковых настроений, а «узел положения» находится в Софии¹¹. 31 августа в Петербург посланник передавал слова сербского премьера о его готовности «употребить всю силу своего авторитета»

для успокоения общества и даже намерении отсрочить созыв парламента, чтобы предотвратить утверждение военных кредитов. При этом, добавлял глава правительства, Сербию нельзя будет удержать в случае активных действий Болгарии, «ибо нас всех сметет народная волна»¹². Еще через несколько дней Н. Г. Гартвиг сообщил, что Н. Пашича, «конечно, не приходится убеждать» в нежелательности войны, однако его «особенно пугает мысль, что правительство не устоит против все расширяющейся воинственной волны в среде некоторых общественных и политических кругов, откуда уже раздаются по адресу преданной России старорадикальной партии возгласы „изменники“»¹³. Позже посланник передал слова Н. Пашича о том, что тот будет «до последней крайности» бороться с воинственными настроениями, но не надеется на собственные силы, поскольку чувствует себя в одиночестве¹⁴, а также о том, что в личном разговоре с главой болгарского парламента Стояном Даневым (1858–1949) сербский премьер всячески старался умерить пыл и оптимизм собеседника¹⁵.

Однако параллельно из Белграда поступала и иная информация. 11 сентября 1912 г. русский военный агент Виктор Алексеевич Артамонов (1873–1942) в секретном рапорте генерал-квартирмейстеру Генштаба Юрию Никифоровичу Данилову (1866–1937) развернуто изложил свое понимание ситуации. По его мнению, руководство Сербии сознательно вводило в заблуждение свой народ, обещая поддержку России, а правительство Н. Пашича было неискренним: «Успокаивая нас миролюбивыми заявлениями и уверяя, что сербы не тронутся первыми, сербское правительство совместно с болгарским бесповоротно решили воевать, имея в виду, что добиться разрешения на войну от держав Тройственного согласия все равно не удастся», но в итоге страны Антанты будут вынуждены их поддержать на дипломатическом уровне, рассчитывая привлечь на свою сторону в будущей войне. Сомневался он и в ссылках союзных правительств на «общественную волну», способную их смести в случае отказа от войны. «Полагаю, что как в Сербии, так и в Болгарии общественное мнение руководится правительством, которое могло бы остановить движение», — писал он¹⁶.

Того же мнения придерживался первый секретарь миссии в Белграде Василий Николаевич Штрандтман (1873–1963). В воспоминаниях он указывает, что общественное мнение не могло влиять на политиков, а газеты в Сербии являлись «орудием для производства

желаемого ими впечатления — будь-то внутри страны, *будь-то за границей* (курсив наш. — Н.Г.), после чего правительство ссылалось на волю народа, якобы отраженную в печати¹⁷.

Когда боевые действия начались, русское общество было восхищено победами балканских славян, газеты пестрели дифирамбами в их честь¹⁸, при этом в войне виделся вынужденный, но прогрессивный шаг. Правительству это приходилось учитывать и идти на некоторые уступки болгарам и сербам, сохранившим, по крайней мере на словах, полную лояльность своему покровителю. Однако итог оказался различным.

Еще до объявления войны глава болгарского парламента С. Данев отправился на зондирование почвы в Россию: допустит ли Россия переход города Адрианополь (ныне Эдирне в Турции) под скипетр болгарского царя? С. Д. Сазонов ему говорил, что не может дать никакого ответа без согласия Генерального штаба¹⁹. Однако в тот момент начальник Генштаба Я. Г. Жилинский серьезно болел, и С. Даневу пришлось отказаться от идеи прямого разговора с ним²⁰. В конце октября, когда все уже позабыли об угрозе держав не признавать приобретения балканских стран, глава МИД напомнил о них посланнику в Софии. 18 октября 1912 г. Сазонов сообщил, что линия болгарских приобретений должна пройти по р. Марице, разделяя Адрианополь, и «двух толкований в этом вопросе быть не может»²¹. А. В. Неклюдов ответил, что это крайне опасный шаг, поскольку все болгарское общество требует присоединения Адрианополя, а выполнение предписаний официального Петербурга приведет к очень опасным последствиям для русского влияния в этой стране. Сазонов прислушался к мнению подчиненного²² и уже 22 октября сообщил послу в Париже Александру Петровичу Извольскому (1856–1919) для его «личного осведомления», что военное ведомство «считает возможным видоизменить свой взгляд» на сохранение линии через Адрианополь, поэтому уступка его возможна²³. А 24-го телеграфировал посланнику в Софии: «С нашей стороны не встречается препятствий к возможному присоединению к Болгарии Адрианополя»²⁴. Цель болгар была достигнута.

Сложнее пришлось сербам. Их желания вошли в противоречие с планами Австро-Венгрии. В Вене настаивали на создании албанского княжества в границах, лишивших Белград выхода к Адриатическому побережью. Когда 15 октября 1912 г. Н. Пашич через печать

выразил просьбу к великим державам передать его стране «хотя бы небольшой порт» на Адриатике, в тот же день министр иностранных дел Австро-Венгерской монархии Леопольд Бертольд (1863–1942) на объединенном заседании австрийской и венгерской делегаций заявил, что монархия имеет «на Балканах жизненно важные интересы и будет отстаивать их при всяких обстоятельствах»²⁵. Тогда сербы решили явочным путем обеспечить себе искомые территории. Посредством неимоверных усилий солдатам короля Петра удалось выйти к побережью в кратчайшие сроки. В Вене на это отреагировали крайне жестко. Военные суда курсировали по Дунаю, освещая прожекторами Белград, в Сараево отпечатали прокламацию об объявлении войны, в империи объявили частичную мобилизацию²⁶.

Российское правительство оказалось в сложной ситуации. И соображения престижа, и давление периодической печати подталкивали к безоговорочной поддержке сербских требований, но это грозило войной с Австро-Венгрией, а, соответственно, и с Германией. Опасность конфликта была крайне велика, российское правительство даже стало выяснять отношение населения «по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»²⁷, было задержано увольнение в запас нижних чинов, прошедших срочную службу, но в руководстве страны возобладали сторонники мира. Давление Сербии оказалось безрезультатным²⁸, впрочем, как и последующая активность Черногории в том же направлении²⁹.

В конце концов перспектива получения Сербией искомым территориям на Адриатике исчезла, и соседние балканские народы были вынуждены заняться дележом общего имущества — Македонии. Как выразился российский историк В. И. Косик, «кратко говоря — их испортил „квартирный вопрос“»³⁰.

Согласно болгаро-сербскому союзному договору и его тайным приложениям, подписанным в феврале 1912 г., земли делились на три зоны: две бесспорные (каждая безусловно отходила Болгарии и Сербии) и одну спорную, участь которой должен решить оговоренный арбитр — российский император. Но в связи с тем, что ход событий внес свои коррективы (Сербия оказалась лишена предполагавшегося выхода к Адриатике, в то же время болгарская армия не приняла условленного участия в боях в Македонии, а сербы помогали в осаде Адрианополя) в Белграде подняли вопрос о пересмотре союзного договора в части, касавшейся раздела завоеванной Македонии.

В Софии на это отреагировали очень болезненно, обе стороны обратили свои взоры на Петербург. И российское руководство оказалось загнано своими клиентами в цугцванг: выбор одного автоматически переводил второго в стан Тройственного союза, в скорой войне с которым никто не сомневался. России следовало определиться, кто ее любимец на Балканах, кого она будет рассматривать в качестве своего главного союзника на полуострове.

Болгарам и сербам предстояло бороться за этот статус, и в том числе на ниве общественного мнения. При этом задача последних была несколько проще. Зигзаги внешней политики царя Фердинанда (1908–1918) не были забыты, и министр иностранных дел, и глава правительства, по признанию последнего, изначально были на стороне Сербии³¹. Павел Николаевич Милюков (1859–1943) аналогично оценивал взгляды С. Д. Сазонова, считая, что тот предпочитал сербов, «старых клиентов России перед новыми — болгарами»³².

Тем не менее до весны 1913 г., по словам болгарского историка И. Илчева, болгарское правительство в плане пропаганды стремилось обороняться, поскольку «не хотело раздражать своих союзников вопреки многочисленным свидетельствам, что они не намереваются придерживаться ранее принятых договоренностей». Однако болгарские посланники в разных странах сообщали, что значительная часть европейского общественного мнения, в особенности русского, была настроена против Болгарии³³. В феврале 1913 г. посланник в России Стефан Бобчев (1853–1940) отправил главе Совета министров Ивану Гешову (1849–1924) депешу, где сообщал, что «необходимо серьезно подготовиться» к борьбе, обозначив два поля ее ведения. «Возложите на частные лица (профессоров и др.) делать что-то, писать брошюры, докладные записки, защитительные речи и пр.». Таким образом, было предложено сформировать группу давления для манипулирования русским общественным мнением. Бобчев указал и другое поле противоборства — прессу: «Есть много редакций, которые усвоят наш взгляд, есть много корреспондентов, которые примут наше дело — но потребуется им разъяснить правильно и обстоятельно»³⁴.

Тогда же в «Вестнике Европы» появилась статья Михаила Андреевича Осоргина (1878–1942), бывшего до этого в Болгарии корреспондентом «Русских ведомостей», «О балканских зверствах» с информацией о конфликтах между союзниками. Однако если о зверствах болгар говорилось лишь по отношению к туркам, то греки

и сербы представляли злейшими врагами болгар. Так, к примеру, упоминаются случаи мародерства и грабежа греками Салоник, потому что большая часть населения из экономических соображений симпатизировала болгарам и ждала их прихода в город³⁵. Сельская администрация в Битоле, который не был признан по сербско-болгарскому договору «бесспорной» сербской территорией, насильно заставляла местных жителей менять фамилии на сербские, так Ивановы становились Иваничами. На собрании в одном из населенных пунктов Македонии, где стояли сербские войска, местный житель произнес тост за царя Фердинанда, а на утро уже был найден убитым. Бродит «призрак раздоров междоусобных», как констатировал автор³⁶.

В том же месяце в журнале «Заветы» вышла статья Ст. Вольско-го (настоящее имя – Андрей Владимирович Соколов, 1880–1943), где он писал: «Миновал медовый месяц балканских симпатий, и уже завял, поблек союзнический энтузиазм»: идет спор о Скопье и Битоле, сербы закрыли несколько болгарских школ, и был убит болгарский учитель, поднявший бокал за царя Фердинанда. Но, по мнению корреспондента, все это — мелочи по сравнению с действиями греков³⁷.

Когда П. Н. Милуков в январе 1913 г. посетил Балканы, ему передали тетрадь с записями, негативно характеризующими поведение сербских войск и администрации в Македонии. В Салониках лидер кадетов показал часть информации, касавшейся Битоли, сербскому посланнику в Греции Живоину Балугджичу (1868–1941). Тот не замедлил об этом сообщить Н. Пашичу, добавив, что, несомненно, тетрадка была получена из официальных болгарских источников³⁸. И далее лидеру кадетов поступали сведения о притеснениях, чинимых сербскими властями в Македонии, о чем свидетельствует обширное количество таковых донесений в архивном фонде политика³⁹.

От обвинений сербы попросту отмахивались. Белградский профессор Александр Белич (1876–1960) заявил, что указанные факты были выдуманы сторонниками Болгарии, а «большинство народонаселения, не поддавшееся непосредственному влиянию учителей и священников болгарской пропаганды, очень дружелюбно встретило сербские войска и выразило полную готовность делиться с ними совместной судьбой»⁴⁰. Когда в «Речи» появились обвинения сербов в насилии над населением Македонии, в «Новом времени» 1 апреля в ответ указали, что приведенным данным не стоит придавать особого значения, «как ни старается болгарская печать раздуть тот или

другой факт. Ибо все это — неудовольствие кучки македонских политиканов»⁴¹. Большого скандала и воздействия на настроения русского общества эти данные не произвели.

Однако у болгар имелся свой козырь в переговорах с Россией. В марте 1913 г. Петербург посетил прославленный болгарский генерал Радко Димитриев (1859–1918). По свидетельству его соотечественника, публициста и дипломата Николы Милева (1881–1925), приезд «на отдых» преследовал и политические цели⁴². Сербский посланник в Софии узнал от английского дипломатического представителя, что генерал отправится с целью повлиять на русское общество в вопросах болгаро-русских и болгаро-сербских взаимоотношений⁴³. В России ходили слухи, что он приехал, чтобы предложить Николаю II «ключи от Царьграда». По свидетельству председателя Госдумы Михаила Владимировича Родзянко (1859–1924), на торжественном приеме в честь делегации генерал отозвал его в сторону и спросил совета: «Я приехал с секретной миссией повергнуть к стопам его величества Константинополь. Как мне быть, как говорить с государем?». Собеседник рекомендовал быть откровенным⁴⁴. Аудиенция состоялась⁴⁵. После Р. Димитриев имел разговор с С. Д. Сазоновым.

Глава МИД этот момент не отразил в своих воспоминаниях. Но его подчиненный Владимир Борисович Лопухин (1871 — после 1940) утверждал, что болгарский генерал о предложении Константинополя «официально заявлял». Однако министр альтруизму царя Фердинанда не верил, и, понимая, что России в тот момент проливов не получить, не желал появления «эвентуального византийца Фердинанда»⁴⁶.

В марте же в Софию прибыл уполномоченный министерства финансов Солдатенков. По поручению царя Фердинанда болгарский министр финансов Теодор Теодоров (1869–1924) предложил заключение двустороннего соглашения, по которому Болгария брала на себя обязательство «навсегда отказаться» от черноморских проливов и оказать помощь в овладении ими Россией, которая в ответ должна будет содействовать Болгарии в приобретении территорий, занятых Сербией в ходе войны с Турцией. Предложение в Петербурге отвергли⁴⁷. Фердинанду попросту не доверяли, опасаясь, что войдя в Константинополь, он его уже не покинет, а сильное молодое государство, контролирующее проливы, казалось большей угрозой, нежели слабеющая Турция. Не прибавляли веры словам Фердинанда

и слухи о том, что он приготовил мантию, коня для въезда в столицу Османской империи и последующей коронации под именем Симеона*. Да и в реальность предложения Софии было трудно поверить — атака «с наскоку» на чаталджинские укрепления, прикрывавшие Константинополь, осенью 1912 г. провалилась, с тех пор турки привели свои войска в порядок, и вероятность успешного штурма оборонительной линии была практически нулевой. Главный болгарский аргумент оказался несостоятелен.

Активность Софии вызывала опасения у ее соперника. 21 марта посланник Сербии в России Димитрие Попович (1866–1940) написал Н. Пашичу, что симпатии к болгарам кажутся сильнее, и если правительство планирует противостоять им, то «хорошо, чтобы в Петербург был отправлен со специальной миссией государственный человек с именем»⁴⁸. Мы точно не знаем, в ответ на эту телеграмму или нет, но в российскую столицу прибыл Джордже Генчич (1861–1938), бывший министр и политический руководитель переворота 1903 г., вернувшего к власти династию Карагеоргиевичей. Русский журналист болгарского происхождения Крсте Мисирков (1874–1926) писал, что именно «интригами проф. Кошутича и бывшего министра Генчича в Петербурге удалось склонить русскую печать и русских славянофилов на сторону Сербии»⁴⁹. О том, что он не воспринимался частным лицом говорят несколько его встреч с мая по июль 1913 г. с председателем Совета министров и министром финансов Владимиром Николаевичем Коковцовым (1853–1943) и С. Д. Сазоновым, о которых он отчитывался сербскому премьеру⁵⁰. Но, как сам он сообщал, по мнению придворных кругов, в мае 1913 г. на Николая II в вопросах внешней политики никто не мог повлиять⁵¹.

Весной 1913 г. в печати началась активная, иногда выходящая за рамки академического диспута, полемика между сторонниками Софии и Белграда. Не всем издателям это приходилось по нраву, в особенности учитывая, что не было понятно, кто прав. В «Русском слове» решили: «Не печатаем сербов, дабы не печатать болгар и не учинять на страницах „Русского слова“ „братоубийственной войны“»⁵². Однако не все органы периодической печати заняли такую осторожную позицию.

* Имеется в виду средневековый болгарский князь, затем царь Симеон I (893–927), осаждавший Константинополь и объявивший себя василевсом ромеев и болгар.

В Белграде делали ставку на прессу как на свое основное оружие в борьбе за симпатии русского общества. В русских газетах работал ряд сотрудников-сербов по происхождению. Во время войны корреспондентом «Русского слова» в Белграде являлся Милан Михайлович Бойович (1869–1917), ежедневно общавшийся с Н. Пашичем⁵³, в Лондоне «Новое время» представлял Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович (1841–1930), родившийся в Герцеговине⁵⁴, в этом же издании работал и личный друг Н. Пашича уроженец Боки Которской Иероним Павлович Табурно (1862–1913)⁵⁵. Последний еще в 1908 г., после аннексии Боснии и Герцеговины, «трудился, боролся, писал статьи» в защиту Сербии⁵⁶. Публично выступал в защиту сербов и другой уроженец Герцеговины — Д. И. Семиз, в юности покинувший родину и воспитанный в семье своего земляка Йована Христофоровича Пичеты (1844–1920). В Петербурге он занимался правоведением, писал популярные брошюры о южнославянских народах, был избран членом Матицы Сербской⁵⁷. Эту группу усилил и приехавший в 1912 г. в российскую столицу профессор Белградского университета Р. Кошутич. Присутствие последнего на Певческом мосту не вызывало большого удовольствия, и глава МИД С. Д. Сазонов говорил сербскому посланнику Д. Поповичу, что не стоит в России иметь сразу двух посланников — одного при правительстве, другого — при газетах и общественном мнении⁵⁸. Весной 1913 г. конфликт стал очевидным, и сербы усилили свою группу давления: «Россию наводнили постоянные и непостоянные эмиссары (генерал Липовац, Цемович, Генчич, Белич, проф. Родован Кошутич, проф. Вукичевич и др.), чьей задачей поначалу была популяризовать в среде русского общества замышленную в Белграде измену союзному сербско-болгарскому договору, а затем — из каждой соломинки выстругать копьё против Болгарии», — описывал весну 1913 г. современник-болгарин⁵⁹.

Болгары же столь серьезного представительства соплеменников в российской печати не имели. Единственным исключением был К. Мисирков, чья позиция оказалась почти незамеченной. В «Русских ведомостях» вышел ряд статей профессора Ивана Шишманова (1862–1928), но в них не шло речи о разделе Македонии⁶⁰. Посланник С. Бобчев имел тесные связи с миром журналистики⁶¹, тем не менее в противостоянии с сербами это не сыграло никакой роли. Симпатии к Болгарии испытывал лидер кадетов П. Н. Милюков, но делал это

с оглядкой на собственные убеждения, вдобавок его позиция не подерживалась однопартийцами⁶².

Помимо статей публиковались и более обширные доказательства истинности своей точки зрения. В издательстве «Нового времени» под псевдонимом «*Balkanicus*» вышла книга сербского министра внутренних дел Стояна Протича (1857–1923) «Сербь и болгарь в Балканской войне», там же был выпущен труд выпускника Московского университета, уже упомянутого А. Белича «Сербь и болгарь в Балканском союзе», для этого издательства Д. И. Семизом была переведена брошюра сербского консула в Приштине Милана Милоевича (1874–1969) «Равновесие на Балканах»*, а также опубликован доклад И. П. Табурно «Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией». 22 июня он встречался с В. Н. Коковцовым, сказавшим, что доклад прочел и считает доводы справедливым. Об этом И. П. Табурно сообщил Н. Пашичу через Д. Поповича⁶³. Отметим, что и предыдущий его доклад «О ходе и результатах Балканской войны» заинтересовал руководство страны: по просьбе товарища министра двора Александра Александровича Мосолова (1854–1939) в ноябре 1912 г. был отправлен императору, а затем публично прочитан в Собрании армии и флота в присутствии военного министра, после чего великий князь Николай Николаевич (1856–1929) попросил прислать и ему экземпляр доклада⁶⁴.

Так в чем же заключались доводы сербской стороны в пользу пересмотра союзного договора?

Одним из них являлись затраченные усилия. В противостоянии с болгарам сербам требовалось доказать, что и им победы дались не даром. К тому моменту царила всеобщая уверенность в непобедимости и мощи болгарской армии, их победы были на слуху, героизм ее солдат всячески воспевался. Этот аспект был важен для тех представителей русского общества, которые оценивали ситуацию с прицелом на перспективу — чья помощь в будущих войнах окажется существеннее. С. Протич сложившуюся в информационном поле картину объяснял тем, что за сознательным возвеличиванием и даже

* В сентябрьском выпуске 1913 г. журнала «Исторический вестник» на книгу М. Г. Милоевича вышла рецензия, авторы которой, не анализируя или критикуя, довольно пространно, на пяти страницах, пересказали аргументы консула в Приштине.

сочинением болгарских побед при одновременном замалчивании и приуменьшении сербских стояла Вена⁶⁵. В связи с этим сербская цензура запретила корреспонденту Петербургского телеграфного агентства Редкозубову отправлять телеграмму о действиях русских консулов в Скопье, Митровице, Призрене, обеспечивших бескровное взятие городов. Корреспондент газеты «Раннее утро» Николай Исидорович Гасфельд (псевдоним — «Шевалье») отметил этот факт: «Таких телеграмм мы не будем пропускать, — заявил представителю официального русского агентства, в моем присутствии, один из цензоров, — а то еще в России вообразят, что Старую Сербию завоевали русские консулы, а не мы»⁶⁶.

Российский славист Петр Алексеевич Лавров (1856–1929) и И. П. Табурно утверждали, что войска короля Петра к войне были лучше готовы⁶⁷. «Болгария — эта так называемая Пруссия Балканского полуострова — оказалась далеко от положения, которое ей приписывали и о котором она трубила. Сербия не кричала и без шума готовилась и приготовилась так, что могла обойтись без посторонней материальной помощи в борьбе», — писал сотрудник «Нового времени»⁶⁸.

Авторы много внимания уделяли масштабам сербской мобилизации, зачастую явно завышая количество поставленных «под ружье»⁶⁹. М. Г. Милоевич считал, что Болгария «своей военной акцией ни в коем случае не играла бóльшую роль, чем Сербия и Греция»⁷⁰, и его родина «без сомнения, сыграла решающую роль в этой войне»⁷¹. А. Белич и П. А. Лавров утверждали, что и сербские военные успехи были не меньшими, чем болгарские⁷². Первый из них писал: «Сербия оказалась, по крайней мере, столько же на высоте положения, сколько и Болгария»⁷³; а последний указывал, что «нельзя же отрицать, что падение Адрианополя совершилось только при сербской помощи, благодаря сербским пушкам, а взять Чаталджу болгарам оказалось не под силу»⁷⁴.

Вокруг взятия турецкой крепости Адрианополя в марте 1913 г. и значимости роли сербов в этом также велись споры. Если верить воспоминаниям генерала Н. Иванова, командовавшего армией, взявшей город, то картина следующая. Комендант крепости Шукри-паша сдался болгарским солдатам, когда сербские части еще проводили рекогносцировку. Затем они в качестве союзников попросили право охранять его. После чего «объявили его своим пленником, сказали, что

они взяли и Адрианополь, и пашу, телеграфировали об этом в Белград и Париж»⁷⁵. Сторонники Белграда активно обосновывали в русской прессе решающую роль сербских частей в падении крепости. В ответ на это на страницах «Нового времени» появилось пространное, с данными статистики официальное разъяснение генерала Н. Иванова, доказывающее несостоятельность сербских утверждений⁷⁶.

Однако большее присутствие в прессе болгарских побед с самого начала объяснялось их значимостью для хода военных действий, все понимали, что именно фракийский театр военных действий будет главным, потому и количество корреспондентов здесь было бóльшим, и освещались виктории войск царя Фердинанда более ярко и часто. Доказать преобладание собственного вклада в победу над Османской империей сербам не удавалось.

Аргументы сербской стороны можно свести к следующему. В основу раздела Македонии не должен ложиться этнический и исторический принцип. Но и здесь, как утверждал автор статьи в «Новом времени» под псевдонимом «Серб», его соотечественники считают «доводы в пользу своего овладения этой частью Македонии так же сильными, как и болгарские»⁷⁷, и, как писал А. Белич, они обладают «исконными историческими и этнографическими правами» на эту землю⁷⁸. При этом, со ссылкой на ученых, часто подчеркивалось, что *далеко не все* жители спорного региона — болгары⁷⁹, и «даже лучшие знатоки и авторитеты науки среди этнографов и историков» не в силах точно установить этнические границы⁸⁰. Несмотря на признание неразрешимости проблемы, споры между учеными продолжались на публичном уровне, в том числе и в Петербурге⁸¹.

Главным принципом, определяющим будущее Македонии, должны были являться «жизненные интересы» (Табурно), «жизненная необходимость» (Белич), «жизненные условия» (Милоевич), «насущные нужды» (Лавров). Что интересно, в телеграмме Н. Пашича посланнику Д. Поповичу в начале лета 1913 г. правый берег Вардара фигурирует, как «жизненный интерес Сербии»⁸². Весной того же года сербский премьер отправил С.Д. Сазонову частное письмо, в котором изложил свое видение решения конфликта. Говоря о территориальных требованиях, он ссылаясь на необходимость получения Сербией выхода к Эгейскому морю и установления непосредственной границы между Сербией и Грецией⁸³.

В военно-политической сфере жизненным интересом было наличие общей границы с Грецией⁸⁴, что «абсолютно не обозначает собою желания гегемонии», но «может послужить залогом сохранения *status quo*, созданного нынешней войной»⁸⁵, т.е. на случай вооруженного конфликта с Болгарией⁸⁶, с чем связывалось и недопущение соприкосновения ее границ и Албании, поскольку в Софии «теперь направили свои взоры уже на Адриатическое море»⁸⁷.

Тем самым указывалось на стремление Софии к гегемонии⁸⁸ на полуострове, лишь прикрываемое этническим принципом⁸⁹, что, несомненно, в будущем приведет к новым войнам, на этот раз с бывшими союзниками. При этом сербские авторы упирали на то, что вождедения царя Фердинанда распространяются и на Константинополь⁹⁰, его взоры «обращены на мечеть Ай-София и Византийскую порфиру»⁹¹. А это, как указывал И. П. Табурно, — русская мечта, и вопрошал: «Способны ли действия этого австрийского принца склонить русский народ на такую жертву?»⁹².

Не только собственные интересы сербы ставили во главу угла собственной значимости. Антиавстрийские настроения и предчувствие грядущей войны использовались сербами для обоснования необходимости усиления их страны как «предстражи» славянства на полуострове*. «Потому она должна быть крепка духом и телом, и обязанность всякого славянина и их друга дать возможность Сербии стать таковой», — писал И. П. Табурно⁹³. Этим аргументом он пользовался и обосновывая необходимость получения выхода к Адриатике в своей предыдущей книге, вышедшей в ноябре 1912 г.⁹⁴ России, по его мнению, необходимо было принять меры, чтобы обеспечить защиту Сербии, не оставляя ее на «произвол врагам, стремящимся выбить ее из занятых ею позиций», тогда крупнейшая славянская держава сможет «спокойно предаться работе по упрочении нашего экономического благосостояния»⁹⁵. А граф Владимир Алексеевич Бобринский (1868–1927) уже в октябре 1912 г. говорил, что по этой причине отношение к требованиям Белграда должно быть особым⁹⁶. Таким

* Эту тему пытались использовать и болгары. 2 декабря 1912 г. болгарский военный агент просил В. Н. Коковцова передать его стране два броненосца и два линейных крейсера или миноносца, 28 тяжелых полевых мортир, добавив, что София готова «обратить ее армию, вместе с армиями ее союзников, против Австрии и ее союзников с целью облегчения положения России». (См.: Семенников В. Эпизод из истории балканской войны // Красный архив. М.: Л., 1927. Т. 6 (25)).

образом, до русского общественного мнения доносилась мысль, что, помогая Сербии, Россия помогает себе.

Иногда даже сквозила некоторая обида: «Сербия вплоть до нынешней войны была в положении забытого, приносимого в жертву члена славянской взаимности», — утверждал М. Г. Милоевич, при этом признавая, что отчасти так происходило и из-за «неосмотрительности своих государственных людей»⁹⁷. Далее он продолжал свою мысль: «Что касается жертв, то Сербия и сербский народ принесли их неизмеримо много на алтарь общего счастья славянства», поэтому заслужили, чтобы наконец их жизненные интересы были признаны⁹⁸. Чувство обиды усугублялось тем, что, по мнению сторонников Белграда, болгары при своем освобождении не принесли ни материальных, ни человеческих жертв⁹⁹. В то же время к сербам, в отличие от их соперников, удача не была благосклонна¹⁰⁰. После 1878 г. Сербия была занята внутренними неурядицами и не имела возможности действовать в Македонии, где болгары в это время развили бурную активность по привлечению населения на свою сторону¹⁰¹. Везение сыграло свою роль и в Первой балканской войне: Белград не смог получить вожаемого побережья Адриатического моря, в то время как к Софии отходил Адрианоуполь¹⁰².

Эта зависть и обида усиливались еще и тем, что, как выразился М. Г. Милоевич, «с полным правом можно сказать, что Болгария создана и при помощи великих сербских жертв»¹⁰³. В мае 1913 г. Дж. Генчич в Обществе славянского научного единения характеризовал болгар так: «Избалованные судьбою, более Россиею, чем судьбою, братья болгары, которым так легко все досталось, и их свобода, и их государство»¹⁰⁴. Этому вопросу была посвящена книга Д. И. Семи-за и сербского историка Миленко Вукичевича (1867–1930) «Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г.», вышедшая уже после Второй балканской войны. В ней рассказывалось, как героически сербы сражались за свободу, в то время как «болгары розданное им Сербией оружие или бросали, или сдавали турецким властям»¹⁰⁵, как за Карагеоргием поднялся на борьбу весь народ, а болгары не поддержали свое Апрельское восстание¹⁰⁶. «Между тем, надо упомянуть, что сербский народ в своей борьбе за освобождение потерял 250 000 человеческих жизней», — приводили сомнительную статистику авторы, не уточняя, за какой период¹⁰⁷. При этом после Прутского похода 1711 г. «ничего не было

выговорено в пользу сербов-черногорцев»¹⁰⁸, и в 1878 г. Россия поддержала Болгарию, свою «любимицу», ничего не сделавшую для собственной свободы¹⁰⁹. Тем самым указывалось, что крупнейшая славянская держава неверно избрала себе любимца на Балканах, несправедливо забыв более достойного кандидата на эту роль. Заканчивалась же книга цитатами из сочинений И. П. Табурно и Е. И. Мартынова (1864–1937), обосновывающими необходимость усиления Сербии как славянского форпоста в виду «неизбежной борьбы славянства с германизмом»¹¹⁰.

Подготовкой широкого и развернутого ответа на сербские брошюры занялся российский историк Николай Севастьянович Державин (1877–1953). Они, по его мнению, были «искусно рассчитаны на то, чтобы оказать известное давление на общее настроение мало осведомленной в специальных вопросах читающей массы»¹¹¹. Важность Македонии для Болгарии русский ученый обосновывал не только историческими мотивами, он считал ее и «залогом дальнейшего нормального развития и национального благосостояния»¹¹² (аргумент, весьма схожий с сербскими «жизненными интересами!»). Однако его книга вышла в свет лишь в 1914 г., а после драки, как известно, кулаками не машут. Как видим, в пропагандистском использовании «частных лиц» Болгария не преуспела, поскольку свою деятельность на этом поприще Сербия начала и раньше, и активнее.

Специально посланные МИД в Петербург В. Велчев и П. Тодоров встретили там уже прочные антиболгарские настроения¹¹³. Приговором болгарским усилиям в этой борьбе с сербами служат слова из письма профессора Любомира Милетича (1863–1937). Осознав неизбежность войны, «и уверившись, что все в Петербурге настроены против нас», он отправился в российскую столицу с целью исправить это. Но «к сожалению, было слишком поздно!»¹¹⁴. В итоге, видимо, не отдавая себе полного отчета о сложности ситуации, посчитав доводы сербской стороны разумными, российское руководство приказало А. В. Неклюдову уговорить болгар уступить часть владений сербам. Но как заметил посланник, это было легко писать из Петербурга, но «трудно сделать на месте [событий]»¹¹⁵. Настроения в стране не позволяли и заикнуться об этом...

Параллельно, в апреле 1913 г., заместитель министра иностранных дел Анатолий Анатольевич Нератов (1863–1938) отправил

Н. Г. Гартвигу письмо, в котором признавал, что «Сербия воочию доказала свою жизнеспособность и дисциплину», а для России представляет «несомненный интерес» способствовать достижению ее национального объединения, которое она только начала¹¹⁶. Тем самым взоры Белграда хотели перевести с Македонии на югославянские территории Австро-Венгрии. Посланника просили «убедить сербов в необходимости считаться с, быть может, неприятным для них фактом» существования договорных обязательств, надавить на Н. Пашича, чтобы Сербия уступила Македонию ради будущих приобретений к северу от Дуная¹¹⁷. Однако сербский премьер, ожидая журавля, не желал выпускать и синицу из руки.

Летом 1913 г. начались боевые действия — военные стали решать проблему более понятным им способом. Спорящие стороны решили не прибегать к помощи ни Петербурга, ни Гааги.

Итог Второй балканской войны оказался для Сербии крайне удачным, и там решили вознаградить своих сторонников. Н. Г. Гартвиг сразу после заключения Бухарестского мира, получил из румынской столицы телеграмму Н. Пашича и Мирослава Спалайковича (1869–1951), где они его благодарили «за энергичное содействие к возвышению Сербии»¹¹⁸. Затем его наградили Звездой Карагеоргия 2-й степени, высшей наградой, на которую посланник мог претендовать. Однако он был обижен, поскольку рассчитывал на 1-ю степень, жаловавшуюся членам королевского дома и иностранным монархам за исключительные заслуги перед Сербией¹¹⁹.

По мнению американского историка Э. Тадена, именно посланник повлиял на позицию С. Д. Сазонова, решившего сделать ставку на Белград¹²⁰. Сведения о деятельности Н. Г. Гартвига в этом направлении попадали и в русскую печать, и он был вынужден дать разъяснение и сообщить, «что слухи о данных им, будто, сербскому правительству обещаниях компенсации в Македонии за отказ от Адриатического побережья — злостный вымысел»¹²¹. В Болгарии же были уверены в том, что именно он подстрекал сербов отказаться от соблюдения условий союзного договора, и горячие головы из Внутренней Македонско-Одринской организации готовили на него покушение¹²².

Когда летом 1914 г. Н. Г. Гартвиг скончался, его похороны явились свидетельством тех чувств, которые питал к нему народ и правительство. На отпевании в Соборной церкви присутствовали сербский

король, наследник, его старший брат. Выступали митрополит, глава правительства и городской голова¹²³.

Во время Балканских войн 1912–1913 гг. борьба сторон не ограничилась исключительно полуостровом — фронты пролегали и через русское общество, где добавлялись и новые противники, и новые нюансы. Болгары и сербы вели наступление на русское общественное мнение сначала в параллельном направлении, доказывая собственную лояльность, а затем и во встречных, стараясь добиться расположения Российской империи и стать ее фаворитом на Балканах.

При этом сторонники Сербии оказались в лучшем положении, их деятельность выглядит довольно скоординированной и реагирующей на вызовы момента. Узловыми фигурами представляются Р. Кожутич, И. П. Табурно и Дж. Генчич, а Д. И. Семиз, А. Белич и даже Д. Попович — лишь исполнителями.

«Славянофильские настроения г. Гешова оказались совершенно несостоятельными в сравнении с ясно продуманным планом Пашича по увеличению пределов Сербии», — записал 6 июля 1913 г. в дневнике К. Мисирков¹²⁴. Болгарская уверенность, что за них должны говорить их военные триумфы, не оправдала себя. Выделенные на пропаганду 50 тыс. левов¹²⁵ не могли изменить положения, болгары действовали безынициативно, с опозданием и не имели продуманного плана. Не было у них и преданных сторонников в печати. Болгарский посланник в воспоминаниях писал, что сотрудники «Нового времени» А. А. Столыпин, А. А. Пиленко, Е. А. Егоров получали «правильное и обстоятельное разъяснение» в дипмиссии, издателя «Биржевых ведомостей» С. М. Пропера называл своим другом¹²⁶. Однако позже представитель Белграда в Петербурге предлагал их наградить за помощь сербам в воздействии на российское руководство, направленное против Болгарии¹²⁷.

Но все же на начальном этапе обе стороны добились определенного успеха: болгарам был передан Адрианополь, на который имела виды Россия, а для Сербии сохранена часть Старой Сербии, которая, по мнению Австро-Венгрии, полагалась Албании. Когда же началось их взаимное противостояние, то победа сербов была безоговорочной. Четкое, направленное воздействие на русское общество дало свой результат, и то, что болгары атаковали в ночь на 17 июня 1913 г. первыми, стало лишь последним гвоздем, вколоченным в гроб русского болгарофильства, выструганный сторонниками Белграда.

Начавшийся XX век стал веком информационных войн, и на заре его Белград одержал в ней победу, проиграв на закате. Борьба за место единственного любимца России на Балканах стала лишь попыткой двух соседей решить спор не силовым методом. Однако это осуществить не удалось, что ухудшило отношения балканских славянских государств друг к другу на многие десятилетия и похоронило идею славянской взаимности.

Примечания

¹ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 120, 213.

² *Кострикова Е. Г.* Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Ниш, 2013. Књ. I. С. 476.

³ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XIV. С. 27.

⁴ Война на Балканах. СПб., 1912. С. 8.

⁵ *Семиз Д. И.* Сербский народ накануне войны // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. С. 67.

⁶ Утро России. 1912.12 VIII.

⁷ Вестник Европы. 1913. № 1. С. 324.

⁸ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Л., 1940. Т. 20. Ч. II. 14 августа — 17 октября 1912 г. (далее — МОЭИ). С. 126.

⁹ *Nekludoff A.* Diplomatic reminiscences before and during the World War, 1911–1917. London, 1920. P. 110.

¹⁰ МОЭИ. С. 202.

¹¹ Там же. С. 183.

¹² Там же. С. 206.

¹³ Там же. С. 235.

¹⁴ Там же. С. 264.

¹⁵ Там же. С. 265–266.

¹⁶ Там же. С. 267.

¹⁷ *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 94.

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Кострикова Е. Г.* Первая Балканская война и российское общество // Вестник Университета дружбы народов. Серия «История России». 2009. № 4; *Гусев Н. С.* Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5. С. 43–50.

¹⁹ *Данев Ст.* Мемоари. София, 1992. С. 135.

²⁰ Там же. С. 141.

²¹ Первая Балканская война // Красный архив. № 3 (16). 1926. С. 20.

²² *Nekludoff A.* Diplomatic reminiscences. P. 125.

²³ Первая Балканская война // Красный архив. № 3 (16). 1926. С. 22.

²⁴ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове. (Август 1912 г. — Июль 1913 г.) // Русская старина. 1915. № 5. С. 255.

²⁵ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой Мировой войны. М., 1985. С. 116.

²⁶ Искендеров П.А. Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребЕ Европы». 1878–1914 гг. / Отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик. М., 2003. С. 486.

²⁷ См.: Гусев Н.С. «...Какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»: доклад Департамента полиции об отношении населения России к возможности общеевропейской войны в 1912 г. // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 426–439.

²⁸ Об этом см.: Гусев Н.С. Сербь в борьбе за Адриатику на поле русского общественного мнения в 1912 г. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов III-й Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 2016. С. 69–77.

²⁹ Хлебникова В.Б. К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский дом Романовых и Балканы / Отв. ред. В.Б. Каширин. М., 2014. С. 281–302; Она же. Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1. С. 32–41.

³⁰ Косик В.И. «Крыло бабочки» // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012. С. 60.

³¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 181.

³² Милуков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. С. 111.

³³ Илчев И. Родната ми — права или не! Вышнеполитическа пропаганда на балканските страни 1821–1923. София, 1995. С. 143.

³⁴ Бобчев С. Страницы из моего дипломатического мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940. С. 94–95.

³⁵ Вестник Европы. 1913. № 2. С. 320.

³⁶ Там же. С. 325.

³⁷ Вольский Ст. Письмо с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 175.

³⁸ Сръбските интриги и коварства срещу България (1804–1914). София, 2009. С. 406.

³⁹ ГА РФ. Ф. 579: Милуков П.Н. Оп. 1. Ед. хр. 1659, 1670, 1671, 1674, 1675, 1681, 1681а, 1682 и др.

⁴⁰ Белли А. Сербь и болгарь в Балканском союзе. СПб., 1913. С. 46.

⁴¹ Новое время. 1913. 1 IV.

⁴² Милев Н. Дневници, спомени, пътеписи, писма. София, 2008. С. 165.

⁴³ Сръбските интриги и коварства. С. 432.

⁴⁴ Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С. 74.

⁴⁵ Дневники Николая II. М., 1991. С. 387

⁴⁶ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 209.

⁴⁷ Писарев Ю.А. Великие державы. С. 162–163. Ю.А. Писарев ошибочно называет болгарского министра финансов Б. Тодоровым. Его звали Теодор Теодоров. Подробнее см.: Теодоров И.Т. Балканские войны. Теодор Теодоров — парламентарният лъв. София, 2007.

- ⁴⁸ Србските интриги и коварства. С. 439.
- ⁴⁹ *Мисирков К.П.* Дневник. София–Скопје, 2008. С. 10. Текст доступен по адресу: http://www.promacedonia.org/km_dn/index.html (дата последнего обращения 22 IX 2015).
- ⁵⁰ Србските интриги и коварства. С. 477, 541, 549; Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. М.; Београд, 2012. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. С. 428, 430, 432.
- ⁵¹ Србските интриги и коварства. С. 478.
- ⁵² *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007. С. 252.
- ⁵³ Москва — Сербия. С. 308–309.
- ⁵⁴ *Кострикова Е.Г.* Первая Балканская война и российское общество. С. 476. Интересно отметить, что константинопольский корреспондент «Русского слова» носил фамилию Черногорчевич (Там же. С. 479).
- ⁵⁵ *Шемякин А.Л.* Никола Пашич // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 73.
- ⁵⁶ *Semiz D.* Pred zoru velikih dana (Pre dvadeset godina, iz ličnih uspomena) // Нова Европа. Загреб, 1929. Књ. 13. Бр. 3. С. 74.
- ⁵⁷ *Рождественская М.В.* Душан Иванович Семиз: «Сербская Голгофа» // Опочинские чтения. Мышкин, 1998. Вып. 6. С. 27–30; *Горяинов А.Н.* В.И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах. 2001. М., 2002. С. 286–287.
- ⁵⁸ Србските интриги и коварства. С. 438.
- ⁵⁹ *Силянов Х.* Србско-българският спор и Русия. София, 1915. С. 20.
- ⁶⁰ Подробнее о его деятельности на этом поприще см.: *Гусев Н.С.* Профессор И.Д. Шишманов в болгаро-сербской борьбе за русские симпатии в 1912–1913 гг. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII — XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева / Отв. ред. С.И. Данченко. [М., 2017].
- ⁶¹ *Бобчев С.* Страницы из моего дипломатического мисия. С. 38–40.
- ⁶² *Воронкова И.Е.* Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 25.
- ⁶³ Москва — Сербия. С. 429.
- ⁶⁴ *Шемякин А.Л.* Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ. М., 2013. Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев, В.С. Путьгин. С. 56.
- ⁶⁵ *Balkanicus.* Сербь и болгары в Балканской войне. СПб., 1913. С. 40–43.
- ⁶⁶ *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 63.
- ⁶⁷ *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. Петрозаводск, 1914.
- ⁶⁸ *Табурно И.П.* Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 25.
- ⁶⁹ *Табурно И.П.* Вопрос о распределении. С. 37.
- ⁷⁰ *Милоевич М.Г.* Равновесие на Балканах. СПб., 1913. С. 34; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении. С. 22, 25.
- ⁷¹ Там же. С. 8.
- ⁷² *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. СПб., 1913. С. 17.

- ⁷³ Там же. С. 33.
- ⁷⁴ *Лавров П. А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 26–27.
- ⁷⁵ *Иванов Н.* Спомени. Кн. 2. София, 1997. С. 114.
- ⁷⁶ Новое время. 1913. 21 IV.
- ⁷⁷ Новое время. 1913. 11 IV.
- ⁷⁸ *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. С. 17–18.
- ⁷⁹ *Balkanicus.* Сербь и болгары в Балканской войне. С. 30; *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. С. 39.
- ⁸⁰ *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. С. 7; *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 13.
- ⁸¹ Подробнее об этом см: *Гусев Н. С.* Русский «фронт» борьбы за Македонию // Родина. 2014. № 6. С. 85; *Он же.* Руски «фронт» борбе за Македонију: срби и бугари у Петербургу 1912–1913. године // Војноисторијски гласник. 2015. № 2. С. 91–93.
- ⁸² Москва — Сербия. С. 429.
- ⁸³ *Писарев Ю. А.* Великие державы. С. 169.
- ⁸⁴ *Овсяный Н. Р.* Ближний Восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913. С. 252.
- ⁸⁵ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах... С. 19.
- ⁸⁶ *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. С. 29; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 17.
- ⁸⁷ *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. С. 31; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 33–34.
- ⁸⁸ *Лавров П. А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 30.
- ⁸⁹ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 33.
- ⁹⁰ *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 24.
- ⁹¹ Там же. С. 38.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 39.
- ⁹⁴ *Табурно И. П.* О сербских битвах. С. 138–144.
- ⁹⁵ Там же. С. 9–10.
- ⁹⁶ Война на Балканах. СПб., 1912. С. 33.
- ⁹⁷ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 41.
- ⁹⁸ Там же. С. 42; Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915. С. 102.
- ⁹⁹ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 4–5.
- ¹⁰⁰ *Лавров П. А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 10.
- ¹⁰¹ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 6; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 10.
- ¹⁰² *Лавров П. А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 28; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 25.
- ¹⁰³ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 41.
- ¹⁰⁴ Сербо-болгарский спор. С. 102.
- ¹⁰⁵ *Вукичевич М. М., Семиз Д. И.* Сербь и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913. С. 210.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 215.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 251.

- ¹⁰⁸ Там же. С. 241.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 239.
- ¹¹⁰ Там же. С. 257–259.
- ¹¹¹ *Державин Н. С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914. С. 21–22.
- ¹¹² Там же. С. 12.
- ¹¹³ *Илчев И.* Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза през Балканските войни (1912–1913 г.) // Военноисторически сборник. 1982. № 4. С. 95; *Он же.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 24.
- ¹¹⁴ Любомир Милетич до Ватрослав Ягич. Писма 1896–1913. София, 1996. С. 364–365.
- ¹¹⁵ *Nekludoff A.* Diplomatic reminiscences. P. 165.
- ¹¹⁶ *Степанова Е. А.* Ни мира, ни войны: МИД России и сербо-болгарский спор (1913) // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2007. Т. IV. С. 166.
- ¹¹⁷ Там же. С. 169.
- ¹¹⁸ *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания... С. 200.
- ¹¹⁹ Там же. С. 204.
- ¹²⁰ *Thaden E.* Public opinion and Russian foreign policy toward Serbia, 1908–1914 // Велике силе и Србија пред први светски рат. Зборник радова приказаних на међународном научном скупу српске академије наука и уметности, одржаном од 13–15. септембра 1974. године у Београду. Београд, 1975. С. 228.
- ¹²¹ Городской вестник. Самара. 1913. 12 VI.
- ¹²² *Гусев Н. С.* Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // Славянский альманах. 2014. №. 1–2. С. 126–128.
- ¹²³ *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания. С. 254.
- ¹²⁴ *Мисирков К. П.* Дневник. С. 7.
- ¹²⁵ *Илчев И.* Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза. С. 92.
- ¹²⁶ *Бобчев С.* Страници из моята дипломатическа мисия. С. 38–39.
- ¹²⁷ Сръбските интриги и коварства. С. 604–605.